

Уиллу Тенанту, Дэвиду Брукнеру,
Джо Бартону, Ричарду Холмсу, Киту Томпсону,
всей студии Imaginagium
и всей съемочной команде, актерскому составу
и команде постпродакшна «Ритуала»

Последнего древнего лесного бога
вы взяли за рога

То были первые окаменевшие зубы, увиденные мной. Прикоснувшись к этим реликтам вымерших народов и свидетелям вымерших вместе с ними порядков, я невольно отшатнулся... Не стыжусь признать, что присутствие тех останков вызывало во мне скорее трепет, чем радость.

Отец Джон МакИнери о совершенном им открытии доисторических артефактов в Кентской пещере (Южный Девон), 1825 г.

ИСТОКИ

1

В надвигающейся тьме становилось все легче и легче сделать один неверный шаг со скалистой тропы и провалиться в никуда, в первый и последний раз попав в новости — посмертно. Энди даже с легкостью представил заголовок: «Труп в гавани»...

Одного-единственного взгляда вниз хватило, чтобы перед глазами предстала красочная картина, при мысли о которой у него сжался сфинктер: он поскользнется, из-под ботинок покатятся мелкие камни, головокружительное падение с высоты шестидесяти метров — и вот Энди уже бултыхается в грохочущей воде, хватаясь за клочья пены на волнах, что разбиваются о зазубренную линию берега.

А может, все произойдет тихо, без суеты? Он представил, как яйцо разбивается о край керамической миски, и его передернуло.

За последние километры восемь Энди не повстречалось указателей или других меток, по которым он мог бы сбежать с прибрежной тропы, но оставаться на ней было слишком опасно. Чем дальше он шел, тем пустыннее и враждебнее становился ландшафт,

Адам Нэвилл. БАГРЯНЕЦ

тем более непохожим на роскошные края близ Торбея, больше напоминавшие тропики или открытые просторы Саут-Хэмса.

Здесь, на вершинах сланцевых скал, точно борода росли кусты вереска; такой ржаво-серый каменистый пейзаж больше был бы к месту в Шотландии или на Южном острове в Новой Зеландии — в Южном Девоне такое увидеть Энди не ожидал.

Он пустился в путь утром из бухт к северу от Дилмута, и все это время дорога вела его по краю бесконечных сельскохозяйственных земель — неровных, холмистых и в основном пустых. На возвышениях иногда попадались рощицы: силуэты деревьев, казалось, чего-то ждали в напряженном молчании, будто воины в старых вестернах, наблюдавшие с лошадей.

Поначалу бесконечное аквамаминоное море поблизости от дилмутской бухты ввело Энди в обманчивый покой: что может случиться рядом с такими мучительно прекрасными водами? Но красота не длится вечно; ту часть берега он давно прошел и с тех пор не видел ни одного пешехода. Единственным человеком, попавшимся по дороге, оказался какой-то парапланерист, собиравший вещи: они встретились в полдень, когда Энди после трех часов дороги остановился перекусить. Парапланерист назвал холмы «радостью сердечников».

«Эти холмы...»

Приближался вечер, и Энди спотыкался от усталости. Его бак с топливом опустел, и остатки сил жалко булькали на доньшке. Он не помнил даже, сколько

раз забирался по скалистым склонам и каменным ступенькам — четыре, может быть, но все эти склоны были так похожи, что слились в одно изматывающее воспоминание. При каждом спуске ногти на ногах все глубже вжимались в кутикулы: Энди не постриг их перед тем, как надеть новые походные ботинки, и теперь почти хромал.

В путеводителе, который, очевидно, предназначался людям, знавшим местные края лучше Энди, не говорилось, что будет столько подъемов. «Великолепные прогулки вдоль юго-западной прибрежной тропы: Южный Девон» не единожды подводили его, но Энди не сдавался: раз уж заплатил, надо идти до конца. Хорошо, что он не старый — от всех этих крутых подъемов сердце лопнуло бы.

Останавливаться в полдень на сорокаминутный обед было не самым умным решением. Да и растягивать исследование первых трех бухт на несколько часов тоже не стоило. Литр воды давно закончился. В голове зазвучал голос отца: «Вот так и попадают в неприятности!»

«Время, время!»

Сумерки вокруг лишь предупреждали, что скоро будет еще темнее. У Энди оставался час, чтобы оказаться в безопасности, пока еще светло, и потом полчаса полумрака, чтобы найти машину.

Он поднял умоляющий взгляд на небо — как там с освещением? От облаков небо приняло металлический оттенок, а море стало похоже на жидкую сталь. В обложивших небосвод железных тучах зияла

Адам Нэвилл. БАГРЯНЕЦ

круглая прореха: свет в ней расщеплялся, окрашивая весь морской пейзаж в серу и ртуть, будто на полотне Тернера; далеко в море на воду падал широкий солнечный луч, рисуя бело-золотой диск, на который и смотреть было нельзя.

Однако у прибрежных утесов разрешение становилось все ниже — из земли извлекались зеленый, синий и красный. Энди представил себя крошечной точкой на темном и мутном от пыли аэрофотоснимке.

С моря подул ветер, от его холодных уколов по всему телу поползли мурашки. Пот под шерстяной одеждой замерз, на спине, лбу и в паху образовалась ледяная корка — второй слой кожи. От тонкой вязаной шапки было не больше толку, чем от рождественской короны из дешевой бумаги.

И наконец, последняя поправка в новом сценарии — дождь. Белый горизонт начал чернеть. «Замерзнешь на холодном ветру — и дальше все псу под хвост». Даже GPS на телефоне не использовать: Энди снимал для жены столько фото, что батарея села.

Стемнеет, и температура резко упадет: от этой мысли жгут волнения затянулся еще сильнее, сжимаемая мысли до предела. Теперь они вертелись только вокруг того, что делать дальше — а варианты можно было пересчитать по пальцам трехпалой руки.

Отправиться назад? Кажется, где-то там Энди видел тропу внутрь острова, ведущую к какому-то зданию Земельного фонда. Однако эта дорога, скорее всего, ведет в гору — он же не смертник. К тому же придется и дом искать... «Сейчас не сезон — он вообще открыт?» А эти заведения в любом случае закрываются в пять... «Или в шесть?»

Или идти дальше, к первоначальной цели — заповеднику в Брикбере, откуда Энди собирался повернуть внутрь острова по единственному пути, указанному на карте? Этот путь должен был закольцевать дорогу и привести Энди туда, где сегодня в девять утра он оставил свой «вольво»: на небольшую автостоянку «Доступа к сельской местности».

Дорога из Брикбера с наибольшей вероятностью привела бы его к машине, но придется больше часа идти по неровной прибрежной тропе, пока становится все темнее и холоднее, и Энди отбросил этот вариант в тот же момент, как подумал о нем. Он взглянул на лежащий впереди пляж, отметив крутые известняковые холмы, подпиравшие берега, словно укрепления. Если верить карте, за этим пляжем следовало два других таких же: идти по этой «радости сердечников» можно только очень, очень медленно — гораздо раньше стемнеет.

Впервые за много лет Энди захотелось плакать.

Был и третий вариант — марш-бросок напрямиком внутрь острова, начиная от Слэгкомб-Сэндз, вокруг болот и вверх по долине; но при одном взгляде в том направлении возникал вопрос — что ждет его наверху? Чертова изгородь? Опять же, чтобы туда подняться, уйдет последний час дневного света, а там не будет ни уличных фонарей, ни электричества вообще, не считая редких немногочисленных ферм, разбросанных по холмам. По дороге Энди заметил пару унылых зданий над долинами, но свет далеких желтых окон — неважная помощь на неровной земле. Он и при свете дня уже два раза терял равновесие и падал.

Адам Нэвилл. БАГРЯНЕЦ

Варианты — точнее, малочисленные возможности, выбранные от отчаяния,— существовали, но не радовали.

Энди не имел большого опыта в ходьбе — свой не очень удачный дебют он совершил на Рождество, чтобы поддержать себя в форме. Эта прогулка была шестой за два месяца, но на дикой прибрежной тропе он оказался впервые.

К вихрю испуганных обрывочных мыслей добавилась ненависть к себе. Но хватит на сегодня неудачных решений. Больше никаких сомнений, поворотов и приседаний на ветру, чтобы обратиться к карте, которую он не мог читать без очков. Последние несколько раз, заглянув в путеводитель и сунув его обратно в карман, Энди тотчас же забывал, что только что видел. Холодный ветер нагонял маразм.

«Вариант первый: дом Земельного фонда».

Плядя под ноги и разевая рот, как рыба, он принялся подниматься по склону, параллельно направлению, откуда только что пришел. Подальше от берега, за этим отрезком тропы, где-нибудь на дороге он найдет то здание начала прошлого века. «Обязательно найду!» Может, там и телефон есть. Но идти придется по полям, по пересеченной местности.

«Так что повернись, мудака, и иди, пока тьма тебя не поглотит...»

* * *

Столовая. За столом прямо сидят два человека, раскрашенных в красное от корней волос до подошв

ИСТОКИ

13

босых ступней. Их торсы, руки и ноги тускло блестят от масла. Они молчат, закрыв глаза, будто сосредоточившись на благодарной молитве за ниспосланную им пищу — влажные увесистые ломти мяса с кровоподтеками на белых тарелках. Вид пищи шокировал Энди меньше, чем вид пары перед ним. Он проделал такой путь, чтобы найти... это?! Неужели судьба решила, что этот день соберет в себе все ужасы?

Последнюю пару часов он шел прочь от берега, на запад по черной проселочной дороге, истоптанной копытами и покрытой коркой из навоза. Вонь звериных испражнений безнадежно забила носовые пазухи Энди, но он, не сдаваясь, шагал по тропке полтора часа, пока из-за холмов не показалось здание со светом в окнах.

Пока он топал к этому одинокому дому, солнце догорело на железном небосводе, железо превратилось в уголь, и тьма пропитала все вокруг, точно смола. Шагая по черным полям, Энди говорил вслух сам с собой, чтобы не поддаться панике. Не видя ничего ниже пояса, он шел через кусты, спотыкался о каменные стены и застревал в изгородях, которые замечал, только наткнувшись на них. Когда пришлось лезть через какие-то ворота, Энди поцарапал бедро, и теперь вся его нога промокла: водонепроницаемые штаны прилипли к горевшей от боли плоти, а на обоих коленях стояли синяки.

Под ногами хрустел то щебень, то трава, подошвы скользили то по жиже, то по навозу, руки замерзли до кончиков почерневших от грязи ногтей, шерстяные носки прилипли к пальцам ног, пропитавшись

Адам Нэвилл. БАГРЯНЕЦ

кровью от ногтей, от дождя куртка потяжелела вдвое. Но Энди продолжал свой нелегкий путь по неровной земле в темноте, ковыляя к желтым квадратам, все эти часы остававшимся вдали. Здания, которым принадлежали эти окна, полностью сливались с чернотой, единственным светом были сами крошечные квадраты — маяк для неосторожного бродяги, ферма, окруженная колючей проволокой.

Энди оказался там, когда большая стрелка на светящемся циферблате миновала цифру семь. На этой цифре его жена должна начать волноваться.

Он зашагал между пристройками, поскользываясь на свежих фекалиях. Нитратное зловоние поднималось, просачиваясь в самый мозг и сдавливая дыхание.

В ближайшем здании, поглощенном ночью, раздавалось низкое покашливание и два возгласа, будто животные внутри во сне почували незваного гостя — наверно, это были сараи, где не горел свет. Энди не столько понимал, что за строение перед ним, сколько просто чувствовал его. Однако светящиеся окна фермы понемногу росли, пока Энди не оказался перед длинной комнатой, совмещавшей в себе столовую и кухню.

К тому моменту весь стыд по поводу стука в незнакомую дверь в такой поздний час улетучился — Энди нуждался в человеческой поддержке.

Но тут он увидел в окне их. Людей. Красных людей. Голых красных людей — мужчину и женщину, возраст которых из-за темной краски на лицах невозможно было установить. Такое впечатление, будто они обмазали друг друга окровавленными руками, прежде чем садиться за стол.

